

УДК 397.4

А. В. Даркина (Воронеж)

АЛТАЙ КАК ПЕРЕКРЕСТОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ Н. К. РЕРИХА

Рассматривается Алтай как проект пересечения ориентного и окцидентного. Выявлена связь несформированности гражданских основ нации алтайских этносов с доиндустриальным этапом развития и домодерными практиками. Показано, что идеи Николая Рериха, утверждающие необходимость консервации «культурных достижений», способствуют снижению вероятности построения гражданственности на политических началах.

Ключевые слова: Николай Рерих, Алтай, этнос, нация, Восток, Ориент, империализм, национализм.

A. V. Darkina, candidate of historical sciences, "The Voronezh legal technical school" (Voronezh)

ALTAI AS THE INTERSECTION OF CIVILIZATIONS AND CULTURES IN THE CONTEXT OF N. K. ROERICH'S CONCEPT

The article examines Altai as the intersection of oriental and occidental. The connection of the immaturity of civil foundations of Altai ethnic groups with the pre-industrial stage of development and pre-modern practices revealed. It is shown that the Nicholas Roerich's ideas, claiming the need for preservation of "cultural achievement", help to reduce the likelihood of building citizenship on political basis.

Keywords: Nicholas Roerich, Altai, ethnos, nation, East, Orient, imperialism, nationalism.

Азия, азиатские территории и окраины чрезвычайно привлекательны с точки зрения исследователя, занимающегося как историей во всемирно-историческом и локальном измерении, так и националистическими штудиями. Национальные маркеры и особенности построения идентичностных проектов выявляются как в первом, так и во втором случаях. Те или иные закономерности локальной, национальной и мировой истории налагают отпечаток на своеобразие обретения и трактовки этносами своего национального статуса. Каким образом выглядит национальное самоопределение азиатских окраинных этносов? Существуют ли особенности, позволяющие говорить о том, что восточный национализм отличается от западного? Алтайский национализм — часть восточного или уникального, ни ориентный, ни окцидентный культурный проект без националистической составляющей? Модернизация без вестернизации — подходящий путь развития региона? Рассмотрим, как именно выявляются модели националистического воображения, практики ориентного и окцидентного как метафоры Свой / Другой алтайского региона во время трансгималайского путешествия учёного и общественного деятеля Николая Рериха.

Восточный национализм в широком смысле вызвал интерес Н.К. Рериха именно во время его путешествия через Алтай в Гималаи — некие открытия по поводу единства и общности ориентного и окцидентного посещают мыслителя на пути в Индию [1, с. 169]. Воображение автора рисует локальные (альтернативные) версии истории с преимущественно этнической составляющей. Приминая во внимание особенности исторического воображения мыслителя, национальный статус местных жителей скорее неявно заставляет Николая Рериха представлять сходные тренды Окцидента. На Западе националистические настроения вызревали длительное время и прошли достаточно непростой путь к образованию национальных государств, что же касается Востока, то многие доцивилизационные (кочевые) общности, воспринимая необходимость модернизации и национального самоопределения как утрату собственной идентичности, как бы затормаживают сам ход истории и предоставляющиеся возможности, возвращая себя в донациональную (а, возможно, и доисторическую) эпоху.

Сопряжённая с этим проблема течения времени актуализирует с Н.К. Рерихом именно на Востоке: Ориент — место, где многочисленные малые народности живут по своим канонам, отличающимся от западных наполненностью жизненных (социально-экономиче-

ских и политических) обстоятельств. Время создаёт здесь этнические структуры, не подвластные изменениям: те народности, что успели пройти путь «национализации» и стать нациями на Западе, по мнению учёного, отдалённо напоминают ориентные, однако последним с особенностями их развития и восприятия далеко до западных версий нации.

Эпическое прошлое, по мнению Н. К. Рериха, — это то прошлое, что формирует представления русских алтайцев о себе как этносе. Возможно, народность бурят, представленных на Алтае, развивалась (этнизировалась) именно под влиянием таких мифических представлений, и вообразить этническую принадлежность и развитие бурят-алтайцев помимо мифов практически невозможно, принимая во внимание стойкую тенденцию архаичности / архаизации их культуры и в XX в. Тем не менее этнический, национальный статус видоизменяется в большей степени под влиянием представлений людей о самих себе (что особенно важно для Ориента), не говоря о внешних обстоятельствах. Такие формы отражения противодействия завоевателям, как устное народное творчество (былины, сказания, эпос), — то общее, что характерно для народов любого континента, культуры и веры. Фольклор в этом смысле выступает небезынтересным с точки зрения выявления намерений справиться самостоятельно с любыми неурядицами местом памяти.

Эпос о Гэсэре отражает тенденцию придания Н. К. Рерихом черт мессии герою народного сказания. Сказочная, мистико-мифологическая возможность появления на земле лидера напоминает националистические построения автора с примордиальным уклоном [2]. Национализм исследователя имеет романтические черты именно по причине значительной «народной» доминанты, отсылающей к тем временам, когда «всё будет иначе», а одно лицо без посторонней помощи справится с задачей возвращения нации и национального чувства: «Когда наш мир едва начинался, / Когда исполненная блаженства / Гора Сумеру была холмом, / Когда Огненно-красное Солнце было звездой, / От Небесного Отца / Великий, могучий, / Десяти стран света владыка Гэсэр-богдо / На золотую землю спустился, / Владыкой мира стал. / Тёмные, тяжкие страдания / Уничтожить спустился, / Народ возродить. / Владыка Гэсэр-богдо / Мудрого скакуна вешего, / Гнедого оседлал, / Драгоценное оружие — / Свою булатную саблю взял. / Скакун вещей-гнедой / По синим облакам ступает, / Не по травянистой земле шагает, / Не по пустынной земле идёт... / Дьявола с демонами подавив, / Туман-мглу расчистив, / Спаситель-

ный могучий Гэсэр / Снова вверх взглянул ... Вселенная-земля ясной стала» [3].

Индивидуальное, не такое, как у всех, появление лидера утверждает в пользу его избранности в деле консолидации этноса; данная задача по силам отнюдь не простому человеку, и мистицизм происходящего — необходимое условие для реализации этой задачи. Градус повествования притчи-молитвы, по убеждению Николая Рериха, способен привести изменения, формируя пространство проявления того, о чём сказано в эпосе.

Автохтонность бурятского эпоса, однако, может ставиться под сомнение: как известно, существуют схожие по сюжету эпосы у разных народов (карело-финская Калевала, армянский Давид Сасунский и пр.), и в этом смысле народности Алтая передают те же настроения «Свой / Другой» (завоеватель / освободитель), что и многочисленные этносы в разных частях света, что, впрочем, сложно расценивать как препятствие для становления бурятского эпоса о Гэсэре как панъалтайского.

Смешение ориентного и окцидентного представлено Н. К. Рерихом как исконно бытовавшее, практически примордиальное — то, что было издревле, и то, что во времена учёного вызывает удивление по причине приоритета окцидентному. Восприятие становится необыкновенно отчётливым, по мере того как автор оставляет «цивилизацию», традиционное выявляется в полной мере как во встречаемых Николаем Рерихом пространстве красок, так и автохтонных традициях Алтая: «Поравнялся с нами алтаец. Пугливо взглянул на нас. Что за новые чужаки в его страну пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синих, золотых, пурпуровых. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами» [4]. Географический Ориент и конструируемый Ориент не выявлены автором как место памяти, и на Западе Н. К. Рерих конструирует восточную этничность, алтайцы (как буряты, так и другие местные народности) — носители традиционности, предпочитающие таким образом интуитивно сохранять свою уникальность, отделяя себя от Других. Представляется, что местных жителей едва ли беспокоит отсутствие «достижений цивилизации» в западном понимании; тот догосударственный уровень развития, что обеспечивает минимум бытовых преимуществ, вполне устраивает непритязательных алтайцев как части более широкой общины азиатских людей, что роднит их с домодерными племенами других континентов и эпох [1, с. 53].

Повседневные практики алтайцев — часть их идентичности и *modusvivendi*, что может вызывать недоумение имперских элит того государства, в рамках которого они представлены, поглощая эти и другие автономные культуры более «сильными» (официальными) и препятствуя этническому и национальному воспроизводству алтайцев.

Тотемистические (доисторические) верования алтайцев [5] находят отражение в интеллектуальных построениях лица, представляющего «цивилизацию», при этом Н. К. Рерих повествует о тех локусах истории, которые дали начало жизни на всём пространстве евразийского материка. Алтайский регион, по его убеждению, важный контрапункт, обеспечивавший преемственность культур и хранящий поэтому множество тайн, которые предстоит раскрыть и познать: «Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. ... так называемые чудские могилы, надписи на скалах, всё это ведёт нас к той важной эпохе, когда с далёкого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет невоскрываемую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища» [1, с. 54]. Пространство Евразии, таким образом, выступало местом исторического эксперимента по строительству принципиально новых культурных единиц, давших преемственность последующим поколениям и заложившим основу и возможность рефлексии в нынешних обстоятельствах. Возможно, данную идею Николая Рериха рационально трактовать как протоимперские чувства доисторических переселенцев: меняя место проживания и статус, эти племена задали импульс имперским настроениям своих потомков на новых территориях того же континента.

Добровольная архаизация учёным жителей Алтая не может не отразиться на моделях выстраивания ими своей идентичности. Этнический и в некоторой степени политический статус алтайцев имели тенденцию к трансформации, препятствуя накоплению и передаче идентичностного статуса в будущем. Понимание собственного этнического самосознания по этим причинам имело кризисные тенденции вплоть до навязывания подмены статуса на иной, имперский со стороны «хозяев» ситуации (этнического большинства). Колонизация внутренних территорий, следовательно, являлась процессом во многом необратимым и пагубным для малых народов Алтая. Вероятно, имперские ориентные тренды были во многом сходны

с теми трендами, что бытовали в Окциденте. Проект антикапитализма как реакция на модерновые практики империализации окраин Алтая представляют возвращение «к истокам», старине и добровольному выбору традиционности как альтернативе навязываемым нововведениям. Перспектива трансформации алтайской периферии по образцу, не свойственному коренным жителям, — главное, что беспокоит автора.

Локальный империализм, по мнению Н. К. Рериха, вредит как геополитическим последствиям на континенте, так и глобальному проекту построения общества на новых началах. Однако и здесь тренды имперскости прослеживаются как и с империями прошлого: мессианский характер нового государства отсылает исследователя к разделению общества на лидера и массы, что характерно для предшествующего исторического опыта, не способствуя развитию субъектности малых народов, входящих в (имперский) конгломерат наций. Политическая модернизация в этом случае может приобретать зачастую непредсказуемые очертания, окцидентируя (по советскому образцу) ориентные имперские окраины Алтая вопреки воле населения. Отсутствие достаточно чёткого понимания того, как должна выглядеть не этничность, но политическая основа нации — главное, на наш взгляд, препятствие в деле обретения алтайцами статуса нации и главный недостаток рериховских построений. Вероятно, автор подошёл «не с той стороны» к толкованию «национализации» этносов: культурное достояние — недостаточное обстоятельство для становления нации (в рамках первоначального этноса) и политического союза наций.

Дописьменные общества, действительно, могут сохранять и сохраняют культурные (устные, фольклорные по преимуществу) достояния предков, однако не могут выступать самостоятельной политической единицей для построения сложной горизонтальной и вертикальной иерархии, продолжая оставаться лишь ресурсом для имперских амбиций более образованных народов. Тем не менее «... истоки политического действия в конечном счете восходят к пафосу национального единства, ибо только в качестве «народа» массы врываются в политическую жизнь и самостоятельно творят историю. В этом свете нации ... в экзистенциальном плане более сплоченные и решительные, чем класс» [6, с. 266], что в большей степени может относиться именно к ориентным этносам по причине «дремлющих» националистических трендов не с гражданской, но с этнической окраской.

Национальный статус алтайцев как совокупности кочевых племён так и не сформируется вследствие примитивизации понимания собственного места в истории, а индустриализация по окцидентному образцу вовсе уведёт в прошлое этносы проживающих на Алтае людей, так и не создав их национальный «геном», что впоследствии приведёт к забвению этноса либо ассимиляции с другими в случае империализации алтайских окраин.

Все же десакрализацию главных святынь можно приостановить, но не избежать полностью. Для этого, по мнению Н. К. Рериха, следует больше внимания уделять собственной исключительности и самобытности, распространяя знание среди молодого поколения, в значительной степени подверженного модерновости со знаком минус. Именно поколение старожиллов несёт ответственность за судьбы алтайских этносов, становясь консолидирующим началом антиэтнически (и проимперски) настроенных последователей модерна. Геополитические сдвиги, вероятно, предугадываются более образованными и проницательными представителями этносов и могут носить необратимые последствия для старого поколения-носителей этничности и в целом для национального самоопределения.

Представляется, что Н. К. Рерих предельно субъективен в выстраивании моделей образования политической нации алтайцев: с одной стороны, он указывает на консервацию культурного прошлого как средства сохранения идентичности, а с другой — выступает как адепт новаций с этнико-националистическим уклоном. Самобытность культуры — то, что уводит в данном случае от политической модернизации алтайских периферий, сводя к минимуму теоретические построения автора и сохраняя неизменной прежнюю формацию дописьменного общества. Поскольку становление (политических форм) нации сводится им к определению культурных достижений, разных трендов и форм национализма для исследователя, по-видимому, не существует, что может в значительной мере обеднять опыт национализма как с этнических, так и с гражданских позиций.

Николай Рерих противопоставляет понятия «цивилизация» и «национализм», усматривая в первом проявления окцидентного, не равного ориентному, более насыщенному и значимому как с культурной, как и с точки зрения всемирно-исторического процесса. Результативность (т. е. механистическая деятельность и её последствия) Окцидента конфликтна процессивности (созерцательности, вдумчивости, мистицизму) Ориента, и это вредит формированию

национализма в смысле укрепления основ энтичности и определения культурных кодов нации: «Цивилизация предъявит свои требования. Но она в своей механической условности никогда не поймет, что такое есть истинный национализм, что есть характерное звучание народа, полное творческих возможностей. Как следующая за цивилизацией ступень приходит стремление и тоска по Культуре. Ценности национализма нужно синтезировать, для сокровищ творчества нужна оправа и понимание» [7].

Субъективизм автора сам по себе является фактором не (до) понимания цивилизации как не противоречия, но высшей формы выражения нации. Ставя знак равенства между этнонационализмом (национализмом с негативной коннотацией) и цивилизованным обществом (которое выхолащивает этничность), Н. К. Рерих способствует не только предельной субъективации участников формирования наций и подмены понятий, но и политическим последствиям в виде усиливающегося доминирования одних народов над другими, что в конечном итоге создаёт предпосылки развития имперского мышления в худшем понимании.

Рассуждая об империях как акторах истории, М. В. Кирчанов приходит к выводу о том, что «европейские империи были более жизнеспособными в силу того, что их империализм был явлением многоуровневым — культурно-социальным, этническим, но самое главное — внешнеполитическим» [8, с. 121]. Действительно, (воображаемые) империи Ориента времён Николая Рериха — скорее (виртуальные) региональные проекты, и их незначительный вес на внешнеполитической арене, по-видимому, играет против развития самосознания населяющих их народов, формируя как центробежные тренды осознания этничности внутри этих пространств, так и своеобразной пассивной анклавизации с религиозно-мистическим уклоном. В этом отношении имперский проект Николая Рериха выступает воображаемым местом памяти для доцивилизационных сообществ, которыми являются также жители (русского / советского) Алтая, представляя, однако, значительный потенциал для выстраивания политики памяти в отношении этнической и национальной идентичности не в последнюю очередь путём элиминирования местных религиозных практик (см., например: [9]). Национализм в данном регионе станет близок к тому, чтобы иметь «злокачественные последствия» [10] в тех случаях, когда окцидентные образцы станут переноситься на почву ориентного без оглядки на культурно-историческое наследие коренных народов.

Теоретик национализма Э. Геллнер, комментируя становление доиндустриального этапа общества, утверждает несостоятельность идеи о том, что правительство заинтересовано в культурной общности проживающих на одной территории (в одном государстве) людей по причине меньшего возможного контроля со стороны центральной власти: «Правители в таком обществе не заинтересованы в том, чтобы оно становилось культурно однородным. Напротив, разнообразие им выгодно. Культурные различия удерживают людей в их социальных и географических нишах, препятствуют появлению опасных и влиятельных течений и групп, имеющих последователей. Политический принцип «разделяй и властвуй» гораздо легче применять там, где население уже разделено культурными барьерами. Правителей волнуют налоги, десятины, рента, повинности, но не души и не культура подданных. В результате в аграрном обществе культура разъединяет, а не объединяет людей» [10].

В этом смысле Николай Рерих выступает не только как не всегда последовательный примордиалист, но и как романтически настроенный (псевдо) националист, элиминирующий шансы империи на успех в случае, если она не будет контролировать именно культурные процессы на своих территориях. Культурных оснований для строительства «общины» (и избавления от имперского давления) недостаточно, а оснований политических для этих целей может оказаться явно мало, принимая во внимание степень развития народов Алтая. Алтай — удобное для культурно-этнических экспериментов пограничье, которые всё же остаются нереализуемыми проектами.

Алтай — локус традиционности на «теле империи» — идеальное пространство для исторического и политического воображения, для обоснования политико-националистических проектов местных элит. Статус алтайского региона как объекта и/или субъекта истории зависит в большей степени от политики имперского центра, нежели от воли самих алтайцев как консолидированного этноса. В случае, если недоминантные алтайские окраины будут полностью ассимилированы центром, объективация региона очевидна, наращивание культурных связей с другими подобными территориями, вероятно, поспособствует становлению Русского Алтая как самостоятельного субъекта на региональном уровне. Практика обретения осёдлости выступала как одно из главных условий обретения независимости на той территории, где обживались люди, и этнический / национальный статус мог если не напрямую, то косвенно зависеть от решения

народа сменить кочевой образ жизни на постоянный. Возможно, Николай Рерих в некоторой степени (пере) канонизирует те культурные особенности, что до этого момента сохраняются в их местности, и это обстоятельство приостанавливает как ход времени, так и соответствующие изменения в плане выстраивания гражданской идентичности, что тем не менее не препятствует резервации этнических маркеров бурят и других народностей Алтая. Ритуал как часть повседневности коренных народов Алтая, вероятно, останется этно- и культуробразующим звеном, не предоставляя широких возможностей для модернизации по западным образцам. Культурное «донорство» алтайцев не станет системообразующим для «реципиентных» имперских элит по причине склонности усматривать угрозу своим домодерным традициям и нежелания унифицировать модели национального самоопределения по единому образцу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рерих Н. К. Алтай — Гималаи: дневники, статьи. М., 2010.
2. Даркина А. В. (Пере) осмысление национальной истории на примере творчества Рерихов // Конфликтотенный потенциал национальных историй : материалы Международного научно-методологического семинара. Казань, 26 марта 2015 г. / отв. ред. и сост. А. В. Овчинников. Казань, 2015.
3. Венгерская Л. Меч Гэсэр-хана [Электронный ресурс]. URL: http://www.vrata11.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=934:2016-02-23-11-29-29&catid=29:2011-03-16-07-44-28&Itemid=37
4. Рерих Н. К. Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://altay.sibro.ru/roerich/ral14.php>
5. Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. № 2 [Электронный ресурс]. URL: // <http://web1.kunstkamera.ru/siberia/Texts/PotapovGori.pdf>
6. Балакришнан Г. Национальное воображение // Нации и национализм / пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М., 2002.
7. Рерих Н. Звучание народов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/roerich/roer269.htm>.
8. Кирчанов М. В. Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи. Воронеж, 2013.
9. Данзанова А. А. Религиозная политика Советского государства по отношению к буддизму в Бурятии в 1920–30-е гг. : ав-

тореф. дис. ... канд. ист. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/religioznaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-po-otnosheniyu-k-buddizmu-v-buryatii-v-1920-30-e-gg>

10. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://travellingscience.blogspot.ru/2013/11/blog-post_4872.html

УДК 7

К. А. Мелехова (Барнаул)

КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОБРАЗЕ МОНГОЛЬСКОЙ ЮРТЫ

Раскрывается проблема роли храма в культуре и искусстве народов Азии. Юртообразный монгольский храм символичен. В его форме, месте расположения, цвете, декоре представлены глубокие семантические основания. Зарождение, становление и эволюция культовой архитектуры олицетворяют картину мира, в которой проявились богатые этнокультурные традиции кочевых народов.

Ключевые слова: духовная культура, религиозные практики, эрта, юрта, юртообразный храм, композиция храма, картина мира, буддизм, ламаизм.

K. A. Melekhova, Altai state university (Barnaul)

PICTURE OF THE WORLD AND HER REFLECTION IN THE IMAGE OF THE MONGOLIAN YURTA

In the article “Picture of the world in otobranu Mongolian religious architecture” reveals the problem of the role of the Church in the culture and art of the peoples of Asia. Mongolian Yurt-shaped temple is symbolic. In its form, location, colour, décor presents a deep semantic